

Г. Л. КУРБАТОВ

РАЗЛОЖЕНИЕ АНТИЧНОЙ ГОРОДСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ IV — VII ВВ.

Никто не отрицает того факта, что византийский город больше, чем какой-либо другой, сохранил преемственную связь с античным, античные традиции в важнейших проявлениях городской жизни. Но тем труднее и необходимее провести ту в силу этих обстоятельств более трудно выявляемую грань, которая отделяет традиции, так сказать, от античного существования города, определить тот момент, когда город по своему характеру и существу окончательно перестает быть античным и сохранившееся наследие живет в нем уже как традиция.

Известно, что многие исследователи, и среди них, например, А. П. Рудаков, рассматривали византийский город на всем протяжении его истории как античный¹. Разумеется, такая точка зрения современного исследователя удовлетворить не может, как и еще распространенное в недавнем прошлом в советской литературе мнение о вживании античного по характеру ранневизантийского города в новые феодальные условия в Византии². Ни у кого сейчас не вызывает сомнения положение о том, что город неотделим от деревни и процессы, происходившие в аграрных отношениях, одновременно воздействовали на город, что их развитие было неразрывно взаимосвязанным. Очевидно, лишь обратившись к кардинальным чертам или признакам античного города и проследив их отмирание, мы сможем провести грань, которая кладет конец античному городу Византии и дает начало существованию античных традиций уже только как традиций в городской жизни. Перечисление тех или иных проявлений преемственности, даже при всей их многочисленности, в целом еще мало что дает для каких-либо обобщающих выводов, если речь не идет о явлениях, определяющих сущность античного города, и, наоборот, с их учетом только и становится возможной оценка реальной значимости преемственности и традиций.

Выяснению характера ранневизантийского города немало вреда принес односторонний подход к нему как преимущественно центру товарного производства. Но это во многом было связано с тем, что таким был едва ли не общий подход к позднеримскому городу, подход, навеянный рядом разного происхождения, но прочно сложившихся в науке традиций, частично воспринятых и нашей византистикой. Эти традиции уходят своими корнями в XIX в. Одна — это остатки модернизаторского подхода к городу как центру товарного производства; другая заключалась в том, что на

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Свердловск, 1948; ср. ВВ, V, 1952, стр. 294.

основе изменений в политических] отношениях в городе в период Империи и именно исходя из этого материала делались определенные выводы об эволюции городских социально-экономических отношений, изменении условий существования города. Такая переоценка значения чисто товарных, обнаженно экономических связей города с округой продолжает сохраняться и в современной литературе. Хотя для античного общества характерен достаточно высокий уровень товарных, товарно-денежных отношений, тем не менее не они определяли существо античного города. Развитые товарные отношения города с округой еще ничего не дают для квалификации его характера или изменения этого характера. Факт отсутствия или наличия развитых товарных отношений с этой точки зрения ничего не доказывает. Доказывает другое, на что обращал внимание К. Маркс, говоря о специфике античного города — существовании его прежде всего как коллектива, городской гражданской общины земельных собственников и землевладельцев, т. е. о неразрывных социально-политических связях, которые связывают город и деревню³. Для античного города именно данная черта была доминирующей. Этого нельзя забывать потому, что, хотя в то время возникновение города было результатом дальнейшего развития отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства и становление городской общины опиралось на эти процессы, сама консолидация землевладельческого населения в городскую общину во многом и обуславливала превращение ее в центр ремесла и торговли⁴.

Товарные отношения внутри полиса были в известной мере самостоятельны, но не независимы. Они составляли определенную часть, определенные компоненты самой внутрисполитической системы отношений и были во многом ей подчинены. Эти товарные отношения преломлялись через систему социально-политических связей, характерных для античного полиса, и частично регулировались ими, и без учета роли этой системы бесполезно делать какие-либо сопоставления и выводы. Античный город по самому своему происхождению и сущности был значительно менее «независимым» центром товарного производства, чем феодальный. И в этом смысле был недалек от истины Э. Кондураки, когда писал о характерном для античности «городском образе жизни», который поддерживал товарно-денежные отношения⁵.

Именно недооценка значения этих связей и привела к упрощениям и известной модернизации в подходе к позднеантичному и ранневизантийскому городу, который рассматривался как просто центр товарного производства, оценивался в своих прямых товарных и рыночных связях и отношениях с округой.

Никто не будет отрицать весьма существенных отличий позднеантичного и ранневизантийского полиса от классического — они, разумеется, были. Но есть и главное, общее, что их объединяет и заставляет рассматривать позднеантичный город не как нечто принципиально и качественно новое, а как иной этап эволюции античного. Мы имеем в виду прежде всего органическую связь города, и именно городской общины, с земельной собственностью и земледелием, роль города в руководстве и контроле над поземельными отношениями, и это типично античная черта⁶.

Внегородскую земельную собственность имел и средневековый город, но она все же не играла определяющей роли в жизни городской общины, не являлась основным источником ее доходов. Нужно сказать, что до не-

³ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 13—14.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 3, стр. 20—21.

⁵ Э. Кондураки. О натуральном и денежном обмене. — ВВ, XIV, 1959, стр. 34.

⁶ Ср. И. Ф. Физман. Городское и императорское землевладение в Оксирихе IV—VI вв. — ПС, 23(86), стр. 114: «Наличие земельного фонда, принадлежащего античному городу как целому, было существенной его особенностью».

давнего времени значение городской земельной собственности (*fundi civitatum* и т. д.) позднеантичного города явно недооценивалось. Была широко распространена точка зрения, что к IV в. большая часть земельной собственности городов перешла в частные руки, была расхищена и присвоена куриалами⁷. На основании этого делался вывод о том, что благополучие городов уже с конца II—III в. в основном зависело от собственных подачек и расходов магистратов⁸. Ошибочность такой точки зрения очевидна. Ее происхождение понятно: с замкнутостью и наследственностью пребывания в куриях эксплуатацией большей части городских земель занимались куриалы; превращение их в наследственных держателей большей части земельной собственности города в известной степени вуалировало ее принадлежность городу, на основании чего и делались выводы о ее расхищении. Тенденции в этом направлении несомненны, по степень их развития, вернее — ее оценка, оказалась ошибочной. Знаменитая фраза из речи Либания: «Вы, куриалы, обрабатываете большую часть земель города (*ἀγροὺς τῆς πόλεως συεῖδον* <ἅπαντας>), что последнему обеспечивает поступление дохода»⁹ — подтверждает не только то, что большую часть земель города держали куриалы, но и то, что она совершенно бесспорно признавалась собственностью и важнейшим источником доходов собственника — города. Мы не будем говорить о соотношении расходов города и куриалов на муниципальные нужды. Это вопрос спорный, и весьма возможно, что доходы куриалов от находившихся в их пользовании городских земель в достаточной мере покрывали и их так называемые частные расходы на городские нужды¹⁰. Следует отметить и другое: часть городских земель и имуществ была непосредственно приписана к определенным городским учреждениям и обеспечивала их деятельность прямо, натуральным путем или благодаря получаемым с них доходам¹¹. Эти имущества находились в ведении облеченных соответствующими функциями куриалов и, таким образом, непосредственно обеспечивали поддержание тех или иных видов городской жизни и деятельности. Мы уже не говорим о других видах доходов городов, которые нуждаются в отдельном изучении. Важно то, что внегородская земельная собственность города продолжала оставаться одним из важнейших и очень значительных источников доходов городской общины¹². И этот факт нельзя недооценивать ни с экономической, ни с социальной, ни с политической точки зрения. Общая земельная собственность в определенной мере свя-

⁷ См. Г. Л. Курбатов. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города V—VI вв. — «Вестник ЛГУ», сер. истор., вып. X, 1956.

⁸ В нашей литературе см., например: А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М. — Л., 1949.

⁹ *Liban.*, XXXI, 16; стр. LII, 33.

¹⁰ На территории городской округи земли делились на: 1) владения муниципальных собственников, мелких и средних землевладельцев, находившиеся под контролем городской общины и входившие полностью в подвластную городу муниципальную территорию; 2) собственность куриалов, неразрывно связанную с выполнением ими муниципальных обязанностей; 3) коллективную земельную собственность городской общины (*οὐσία τῆς πόλεως*, *fundi civitatum*, *τόποι τῆς πόλεως* и т. д.).

¹¹ Так, дрова для общественных бань поставлялись с городских лесных участков, масло для освещения общественных мест, муниципальных учреждений и спортивных школ — из городских имений, вероятно поделенных также между различными муниципальными учреждениями. Некоторые обеспечивавшие их деятельность имущества прямо считались или являлись собственностью этих учреждений, например те, которые снабжали необходимым различные виды празднеств и зрелищ (*agonotheticae possessiones*). У Антиохии и Апамен, например, были специальные луга (CJ, XI, 61(60), 1—2; *de publicis pratis Apsamenis*), обеспечивавшие выпас и прокорм лошадей для ипподрома (*ἵπποτροφούρες*). Вероятно, эта собственность росла и существовала как собственность учреждений, в принципе считаясь общегородской муниципальной, в связи с практикой целевых дарений городу, дарений с определенным назначением.

¹² А. Н. М. Jones; *The Later Roman Empire* (284—602). ..., v. I—II. Norman., 1964, p. 641.

зывала, спланировала городскую общину. Не говоря уже о коллективных доходах, мы не можем не учитывать и того существенного факта, что та или иная (и, возможно, немалая) часть земельных собственников города была держателями его земель. Не будем касаться и еще чрезвычайно тесно связанного с городом муниципального землевладения, подконтрольного городской общине. Темпы его упадка к IV в., по-видимому, также преувеличены.

Естественно, что сокращение городской земельной собственности и муниципального землевладения самым определенным образом сказывалось на состоянии городских общин. Мы не будем касаться этих процессов, поскольку они хорошо изучены, особенно упадок муниципального землевладения. Остановимся лишь на том, что едва ли не самым сокрушительным ударом по благополучию городов считаются конфискации части городской земельной собственности государством в начале IV в.¹³ Известно, что тогда у городов были отобраны, перешли в императорские и частные имущества земли, которые эллинистические и прочие монархи в свое время подарили городам. Бесспорно, эти земли были значительны, и их конфискация существенно сократила городской земельный фонд.

Едва ли ее можно связывать только со стремлением императорской власти увеличить собственные земельные фонды. Вероятно, причин было много и некоторые из них носили экономический характер. Известны и не нуждаются в перечислении данные об упадке муниципального землевладения, росте числа пустующих и заброшенных земель. Весьма возможно, что конфискации имели целью передать часть земель независимым собственникам, способным обеспечить их обработку, сократить территорию городских земель, обработку которых в той или иной мере не обеспечивала городская община. Иными словами, это была мера, не столько сознательно направленная на подрыв городского землевладения, земельной основы античного города, сколько вызванная его состоянием и необходимостью обеспечить надлежащую эксплуатацию контролируемых им земель.

Конфискации, естественно, отразились на состоянии многих городских общин. Но едва ли следует преувеличивать их значение. У городов осталась земельная собственность всех видов иного происхождения. Известно, что многие города вообще возникали самостоятельно, и их земельные фонды лишь пополнялись дарениями и пожалованиями. Нельзя недооценивать удельного веса этого фонда так сказать, «частной» собственности города. Он был очень значительным, и факты показывают, что до конца II в. города активно покупали земельную собственность, дарения городам со стороны богатых землевладельцев были достаточно частыми и т. д. Приведенное выше свидетельство Либания показывает, какую роль играла городская земельная собственность в жизни города во второй половине IV в., т. е. после конфискаций.

Известно также, что часть отобранных земельных имуществ была затем возвращена городам, но, мы бы сказали, на новых основах. Доходы с них должны были обеспечивать строительство и поддержание городских укреплений. Хотя эксплуатация их и осуществлялась куриалами — представителями городской общины, они, очевидно, уже считались не собственностью города, а выделенной городам собственностью государства (*civitatibus in commune remissa sunt*)¹⁴. И, вероятно, именно на этом основании, в отличие от, так сказать, «частной» собственности города, расходованием поступлений с них распоряжался представитель императорской администрации, тогда как средства с сохранявшейся собствен-

¹³ См., например; *R. His. Die Domänen der römischen Kaiserzeit*. Leipzig, 1896, S. 37—40; *A. H. M. Jones. Op. cit.*, v. I, p. 415; v. II, p. 732, 737.

¹⁴ См. по этому вопросу: *Г. Л. Курбатова. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л.*, 1971, стр. 175.

ности города прямо поступали в муниципальную кассу. Таким образом, в определенной части своих расходов города становились как бы «пенсionерами» государства, получателями части доходов с государственных, а не своих имуществ. Эта эволюция весьма симптоматична именно с точки зрения усиливавшегося и шедшего по разным направлениям отрыва города от его прямой и непосредственной собственности на землю, от прежней земельной основы, определявшей его античный характер.

Упадок внегородской земельной собственности города и муниципального землевладения достаточно подробно освещен в литературе. В V в. он идет весьма интенсивно — сокращается число состоятельных муниципальных землевладельцев; законодательство свидетельствует об усиливающейся продаже городами их земельной собственности для покрытия городских расходов, и правительство бессильно ее приостановить, поскольку все чаще эта распродажа обуславливалась определенными обязанностями, задолженностью¹⁵. К VIII в. внегородская земельная собственность города и муниципальное землевладение, по-видимому, фактически исчезают или утрачивают значение. Исчезает деление земельных собственников на независимых и муниципальных как одно из важных общественно-политических делений. Город в принципе как особая объединяющая часть землевладельцев городская община утрачивает свою мощную внегородскую земельную собственность и контроль над округой и поземельными отношениями в ней¹⁶. Все эти функции отходят к государственной администрации.

Но если процесс отрыва античного города от его земельной основы в главных чертах известен в связи с изучением аграрных отношений, то значительно менее разработанным и освещенным является вопрос о развитии аналогичных процессов внутри города, т. е. о перерождении его внутригородского античного характера. Эволюция внутригородской собственности по существу не привлекала еще достаточного внимания. При ее изучении также возникают многие вопросы, аналогичные тем, которые были связаны с внегородской, и прежде всего — были ли в первой половине IV в. одновременно с государственными конфискациями земельных имуществ городов проведены и соответствующие конфискации внутригородской собственности городской общины, которая также в известной части могла рассматриваться как наследие и достояние императорской власти.

Изучая характер позднеантичного — ранневизантийского города, мы не можем пройти мимо античной коллективной собственности внутри него — как земли, так и других имуществ. Именно принадлежность большей части внутригородской земли общине позволяла осуществлять планировку, характерную для античных городов, строительство крупных площадей, достаточно широких улиц, общественных зданий, так же как большие коллективные доходы с внегородских земельных и прочих имуществ города давали возможность поддерживать высокий уровень городского благоустройства, общественного строительства. Нельзя забывать и о том, что немало не только сугубо общественных по своему характеру и назначению построек города являлось коллективной собственностью городской общины. Городу до IV в. и в IV в., очевидно, принадлежала и довольно большая часть важных доходных имуществ и построек в городе — участков, домов, мастерских и зданий под мастерские, помещений, сдававшихся в наем под лавки и склады, выстроенных городом торговых рядов и т. д., являвшихся важными источниками доходов го-

¹⁵ См., CJ, IV, 61. «De vendendis rebus civitatis».

¹⁶ М. Я. Сюзюмов. Византийский город (середина VII — середина IX в.), — ВВ, XXVII, 1968, стр. 52: «Налоговое обложение землевладельцев и деревни происходило независимо от их принадлежности к городской общине».

родской общины¹⁷. Аренда ремесленниками и торговцами муниципальных помещений и мест, строительство на внутригородской земле, являвшейся собственностью города, — все это очень тесно связывало жизнь и деятельность значительной части населения города с античной городской организацией. Известно, что постройки, возводившиеся частными лицами без разрешения на городской земле, являвшейся собственностью города, согласно закону, становились собственностью последнего¹⁸.

Некоторые земли в городе являлись частной собственностью; они продавались и передавались по наследству, город не получал с них платежей. Преобладали, однако, земли, принадлежавшие самому городу. Использование их контролировалось муниципальной организацией: она давала разрешение и определяла характер пользования ими, диктовала условия застройки, если давала разрешение на строительство. Построивший становился собственником здания, но земля, на которой оно стояло, продолжала оставаться собственностью города, и владелец строения, как держатель участка, на котором находилась его собственность, вносил соответствующие платежи городу¹⁹.

Эта внутригородская собственность обеспечивала эффективный контроль городской общины, ее реальное руководство в деле муниципального строительства и благоустройства. Строительство великолепной разветвленной системы общественного водоснабжения, цистерн, фонтанов, общественных бань и других подобных сооружений в наиболее удобных для этого местах и было возможно потому, что большая часть пригодных для этого участков являлась собственностью городской общины и могла использоваться ею.

Таким образом, когда речь идет об античном и позднеантичном городе, мы не можем не считаться со значением как «внешней», внегородской (преимущественно земельной) собственности, так и «внутренней», внутригородской. Если «внешняя» в основном обеспечивала главные поступления городской общины — деньги, продукты, часть необходимых материалов, обеспечивала реальный контроль и влияние (благодаря массе контролируемых ею мелких и средних муниципальных землевладельцев, наличию собственных муниципальных запасов продуктов) муниципальной организации на городском рынке, его известную стабильность, стабильность снабжения города²⁰, то вторая в большей мере обеспечивала поддержание городского «вида» жизни, городского облика античного города со всеми присущими ему особенностями и отличиями.

Думается, что этот вопрос немаловажен для изучения и более правильной оценки характера социальных отношений и движений в городе. Их часто не рассматривают через призму внутрисюльных отношений и связей. А между тем последние играли немалую роль. По мнению П. Петти, симпатии Либания к антиохийским хлебопекам основывались на том, что они в массе своей сохранили приверженность к язычеству²¹. Но если мы учтем, что они были чрезвычайно тесно связаны с муниципальной собственностью (аренда городских мельниц и других муниципальных имуществ), с муниципальной организацией, куриалами (поставки зерна, дров, установление цен и т. п.)²², то станет ясной их более тесная связь со всей позднеантичной полисной организацией, ее имуществами и интересами, а соответственно — и причины симпатии Либания, борца за

¹⁷ См., например: CJ, XI, 70(69): *vel domus vel ergasteria iuris civilis* и др.; CTh, XV, 1. 9; Nov. Th., 23.

¹⁸ CTh, XV, 1. 9

¹⁹ CJ, VIII, 11(12), 3.

²⁰ См., например: Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек в Антиисии IV в. — ВДИ, 1965, № 1.

²¹ P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J. C. Paris, 1955, p. 131.

²² Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек..., стр. 142–153.

сохранение всех прав и основ полисного строя, к ним, а отсюда отчасти и связанная с этим сохранявшаяся их приверженность к язычеству.

По существу мы можем в основных чертах проследить во II — VII вв. два неразрывно связанных и параллельных процесса — упадок городской земельной собственности вне города и внутри него.

Обеднение городской общины прежде всего выразилось в свертывании ее деятельности в сельской округе города, сокращении там строительства, ведшегося муниципальной организацией или при ее поддержке и участии²³. В городе это нашло свое проявление также в постепенном сокращении муниципального строительства, уменьшении размеров и ухудшении качества общественных сооружений, строившихся на городские средства. В связи с этим не только возрастает роль частных пожертвований, но и соответственно личное влияние жертвователей и дарителей.

Строится не столько то и так, что и как нужно городу, сколько то, на что отпустили деньги жертвователи, и зачастую под влиянием их собственных вкусов. Воздействие на подобное строительство городской общины уменьшалось, что и вело ко все большему отходу от установленных норм и принципов, общих градостроительных планов и установок, к нарушению строгого стиливого единства, характерного для классического полиса.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что города имели свои каменоломни, карьеры, мастерские по производству строительных материалов, муниципальных ремесленников (CJ, VI, 1.5) и многое другое, что в определенной мере обеспечивало высокий уровень и стандарт общественного строительства. С обеднением городов эти возможности сокращались. Археологический материал свидетельствует об ухудшении в III в. качества и сокращении объема общественного строительства²⁴.

Одновременно мы можем отметить и усиливающийся процесс перехода занятых частными постройками городских участков в собственность хозяев зданий. Самый факт собственности общины на значительную часть внутригородской земли, занятой частными постройками, был в принципе, вероятно, чрезвычайно важным с точки зрения возможности общины влиять на строительную деятельность собственников зданий, требовать соблюдения благоприятных для города условий, не производить нежелательных для него перестроек и пристроек. С переходом участков в собственность домохозяев последние становились более независимыми от города. Мы уже не говорим о том, что с продажей занятых частными зданиями участков в известной мере сокращались и постоянные доходы города. Чтобы сохранить свои доходы в условиях, когда городская община уже не могла обеспечить развитие общественного строительства, последняя, видимо, начинает сдавать богатым собственникам под застройку те участки в центральных и лучших районах, которые раньше являлись незанятыми общественными «площадями». Очевидно, в III в. усиливается частное строительство на общественных городских землях, которое вело к определенному сокращению «общественных» пространств в городе. Думается, что наряду с «внешними» факторами — строительством стен, ограничивавшим возможности роста или даже сокращавшим его прежние размеры, и это обстоятельство способствовало тому, что застройка городов становилась более тесной, менее планомерной, более «средневековой»²⁵.

Обеднение муниципальных организаций вело к тому, что они не только зависели от дарителей, но и вынуждены были поощрять строительство

²³ Археологически извори на европейската цивилизация.— «Археология», 1969, № 1, стр. 68.

²⁴ См., например: Т. Иванов. Градоустройство през римската и късноантичната епоха.— «Археология», 1967, № 4, стр. 26—28.

²⁵ А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1969, ст. 19. Римский форум в Коринфе в VII—VIII вв. был застроен «массой мелких жилищ, мастерских и лавок».

общественных сооружений частными лицами на городской земле, предоставляя им в награду различные льготы. Вероятно, в III в. довольно значительная часть и обветшавших общественных построек городов, которые не могли их поддерживать, перешла в собственность частных лиц. Так, один из папирусов содержит предложение богатого жителя купить у города большое непригодное строение в центре²⁶.

Судя по всему, кризис III в. и связанная с ним разруха тяжело сказались на благосостоянии и финансах городов. Восстановительные работы в конце III — начале IV в., правда, были проведены во многих из них, но в целом зафиксировано, что для этого периода характерно более бедное городское общественное строительство. Многие сооружения были восстановлены далеко не в прежних размерах, причем использовался худший материал.

Что касается конфискации городских земельных владений со времени Диоклетиана, то они коснулись не только внегородских земель и имуществ, а, вероятно, в той же мере затронули и внутригородскую собственность города и осуществлялись по тому же принципу и на тех же основаниях. Можно полагать, что равным образом города потеряли и аналогичные внутригородские имущества, здания и сооружения, в том числе и доходные, которые пополнили фонд государственных имуществ, были заняты и перестроены под государственные учреждения, мастерские (CJ, VIII, 11 и др.) и хранилища. Иными словами, мы можем, видимо, говорить о том, что масса новых государственных учреждений, создававшихся по мере бюрократизации империи, государственных складов, мастерских, казарм в значительной степени размещалась в помещениях, прежде принадлежавших городу, а затем ставших государственной собственностью²⁷.

Таким образом, эти конфискации способствовали увеличению государственной собственности в городе, с одной стороны, а с другой, вероятно, способствовали сохранению ряда сооружений, которые города были сами не в состоянии поддерживать и ремонтировать. Мы лишь косвенно можем судить о размерах этих изъятий из муниципальной собственности, но, как показывает материал Александрии, они, по-видимому, были значительными и распространились на все виды построек. Вероятно, это, в частности, и привело к конфликту, связанному с убийством александрийского епископа Георгия, предложившего увеличить или ввести дополнительный побор со съемщиков прежних муниципальных строений. В таком случае этот конфликт еще раз свидетельствует о реальном экономическом значении муниципальной собственности и влиянии ее на социально-политические отношения в городе.

Видимо, когда эти имущества находились в собственности города, ими пользовались многие жители на, очевидно, достаточно выгодных и им, и городу условиях. Неизвестно, были ли они уже конфискованы к тому времени, когда развернулись драматические события, но Георгий предложил государству собирать с них побор как с бывшего муниципального достояния²⁸. Мы, правда, не знаем, был ли этот побор больше прежних или представлял своего рода добавку к ним, но, судя по реакции алек-

²⁶ T. Franc. An Economic Survey of Ancient Rome, v. II. p. 259, 276.

²⁷ Вероятно, многие государственные мастерские просто представляли собой расширенные и перестроенные прежние муниципальные, иногда оставленные в ведении куриалов. Весьма возможно, что это их происхождение нашло отражение и в текстах некоторых законов, где упоминаются общественные мастерские (*ergasteria publica*), но подчеркивается их государственный, а не муниципальный характер: *ad ius pertinentes publicum*. Законодательство в тех случаях, когда это имеет значение, четко разделяет *ergasteria iuris civilis* и *ergasteria iuris civitati*. Cp. CJ, X 1, 32.3 и CTh, XV, 1.9.

²⁸ *Amm. Marc.*, XXII, 11, 8—9.

сандрийцев, приходится предположить последнее, ибо вряд ли они прежде пользовались этими строениями абсолютно безвозмездно.

Можно отметить и другое: города — вероятно, за исключением крупных или достаточно богатых — уже не могли поддерживать старых общественных сооружений. Законодательство очень отчетливо фиксирует это явление в IV в. Многие общественные сооружения не поддерживаются должным образом и не ремонтируются. Отчасти это было связано с сокращением поступлений в муниципальную казну. Закон императора Константина (CTh, XII, 11, 1 — 314—340) сообщает, что держатели городской земли плохо и неисправно платят городам и пытаются не только присваивать городскую собственность, но даже и продавать ее. По-видимому, это в равной мере относится и к внутригородской собственности города, и, очевидно, выражалось в том, что ее владельцы пытались рассматривать как свою собственность земельные участки, на которых были расположены их строения. Ситуацию, отражающую положение с внегородской и внутригородской земельной собственностью, раскрывает указ Юлиана от 362 г. (CTh, X, 31,1): «Мы приказываем возратить городам общественные земельные владения, чтобы они сдавались в аренду по справедливым ценам и чтобы тем самым всем городам могло быть обеспечено восстановление».

Обращает на себя внимание и инициатива частных лиц по отношению к городской собственности. Так, один из эдиктов (CTh, XV, 1,9) упоминает о людях, очевидно, в достаточной степени самостоятельно построивших дополнительные этажи над помещениями мастерских, являвшихся собственностью города. Характерно, что эдикт признает, несмотря на явно незаконный характер такой застройки, их право собственности на эти этажи.

Закон Юлиана от 362 г. (CJ, VIII, 11 (12), 3) свидетельствует о дальнейших уступках частным собственникам. Речь в законе, очевидно, идет о предшествующем периоде правления Констанция, когда права собственности городов нарушались достаточно активно. Стремившийся укрепить собственность городов и вернуть им прежние имущества, Юлиан, видимо, столкнулся с тем фактом, что многие за это время построили те или иные здания на городской земле. Но одновременно Юлиан видел, что города не могут своими силами обеспечить строительство общественных или доходных строений. Вероятно, не желая вступать в конфликт с собственниками, но стараясь укрепить права городов и обеспечить их поступления (CTh, XVI, 9-CJ, VIII, 11, 3—362), он признал право собственности отдельных лиц на постройки (*ἰδίον αὐτοῦ ἐχέτω*), возведенные ими на земле — собственности города (*εἰς τόπον τῆς πόλεως*), «если это не вредит» городам и украшает их²⁹. Тем самым Юлиан в известной мере поощрял и частное строительство — правда, «украшающее» город. По сути дела это говорит лишь о том, что такое «украшение» уже было не по силам городской общине и приходилось идти на уступки частным лицам³⁰. Это особенно отчетливо видно на фоне статей, свидетельствующих об упадке, свертывании общественного муниципального их строительства, обветшании и разрушении общественных зданий города в IV—V вв. (CTh, XV, 1—26). Судя по законодательству, во второй половине IV в. учащаются случаи, когда частные лица пытаются присвоить общественные постройки (CJ, VIII, 11 (12) 15—398). При этом значительную часть внутригородской собственности городской общины следует рассматривать не только как дополнительный источник доходов, возникавший в основном в результате дарений. Это была собственность в зна-

²⁹ J. Levy. *West Roman vulgar law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951, p. 271.

³⁰ Не случайно даже об Антиохии Либаний писал, что «частные дома» «возрастают и затеяют своим блеском и великолепием» общественные постройки, а последние «объаты неприглядностью» (XLII).

чительной части обеспечивавшая поддержание городской жизни, городского благоустройства, функционирование важнейших городских и общественных учреждений.

В результате покупки, дарений, завещаний города могли приобретать самые различные доходные имущества. Но в принципе они стремились сохранить за собой прежде всего те, которые определяли жизнедеятельность городской общины. И на первом месте стояло не столько извлечение доходов от разных видов городской собственности, сколько обеспечение благодаря этой собственности важнейших общегородских нужд. Именно собственность города, а не покупка городской общиной тех или иных продуктов, сырья и изделий обеспечивала существование соответствующих общественных фондов, запасов городской общины. Собственные лесные угодья там, где только это было возможно, позволяли снабжать общественные учреждения города, прежде всего общественные бани, дровами. Другое дело, на каких условиях дровосеки осуществляли заготовку и доставку. Но общественные бани имели постоянный источник снабжения, а лица, занимавшиеся заготовкой и доставкой дров, своими частными доходами также оказывались связанными с муниципальной собственностью.

Аналогично обстояло дело с торговлей печеным хлебом, да и вообще со снабжением города в целом. Антиохийские мельницы, например, вероятно, принадлежали городу, и ими лишь пользовались или их арендовали хлебопеки³¹. Эта собственность города давала возможность контролировать производство печеного хлеба, а не только его продажу, точно так же как наличие собственных зерновых и прочих продовольственных запасов и фондов, поступающих из городских имений, не только удовлетворяло соответствующие нужды различных муниципальных учреждений, но и позволяло массой натурального продукта, а не одними распоряжениями и контролем поддерживать соответствующий уровень цен на городском рынке³².

Мы уже не говорим о том, что в основном муниципальной собственностью являлись городские и пригородные садовые и огородные участки. Это обеспечивало контроль города над огородниками и в принципе приводило к тому, что важнейшие для жизни города корпорации были чрезвычайно тесно связаны с муниципальной организацией и в значительной мере зависели от нее. Многие необходимые для городского хозяйства отрасли, по-видимому, непосредственно находились в ведении городской общины, в том числе и ремесленные мастерские, которые могли работать на продажу, но основной задачей которых было все же производство необходимых для городского благоустройства и строительства изделий и материалов. Мастерские—собственность городов упоминаются многими источниками, в том числе и законодательством IV—V вв.³³ Весьма возможно, что часть из них в результате конфискаций перешла в собственность государства и пополнила число государственных мастерских, оставшихся под управлением и в ведении муниципальных организаций.

Думается, что наличие собственного городского производства и эффективный контроль муниципальной организации, ее собственность на карьеры, разработки и сырье — все это было одним из важных факторов, одной из основ развития и осуществления широкого общественного городского строительства, обеспечения его высокого качества, как стандарта производимых для него материалов, а частично и снабжения городского рынка. Таким образом, античный город имел и свою строительную базу, опять-таки прочно существовавшую на основе его собствен-

³¹ Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации...

³² Там же, стр. 152.

³³ Nov. Th., 23; CTh, XV, 1.9 и др.

ности. И значительная часть занятых в этой сфере и в мастерских города ремесленников была прямо связана с муниципальной организацией. При этом не только политическая значимость городской общины, а прежде всего ее реальные позиции в экономической жизни города привязывали и подчиняли ремесленников к античной муниципальной организации, ограничивая роль и значение их профессионально-производственных объединений, корпораций.

Возрастание значения корпораций в IV—V вв., как теперь признается большинством исследователей, было не только и, может быть, не столько связано с государственной и фискальной политикой, фискальными интересами государства, а имело свои внутренние причины. И одна из них заключалась в падении значения в жизни города общегородской коллективной собственности, в развитии и укреплении за ее счет частной и корпоративной собственности.

Мы можем проследить, как упадок внутригородской собственности города был связан с общим упадком городской собственности в целом. Можно предполагать, что упадок внегородской и внутригородской собственности города не был одновременным и параллельным. В городе он протекал медленнее в силу необходимости поддержания муниципального хозяйства. Законодательство, на наш взгляд, позволяет выделить ряд этапов этого процесса. Если III в. характеризуется беспорным сокращением общественного и развитием частного строительства на земле, принадлежащей городу, то в IV в. налицо упадок строительства и деятельности общественных муниципальных учреждений. Законы, ограничивавшие разрушение построек и расхищение украшений (CTh, XV, 1, 1 сл.)³⁴, прямо свидетельствуют не только об их обветшании, но фактически и о том, что они перестают функционировать. Если в первой половине IV в. многие из них лишь ветшали и законодатели стремились как-то оградить их от разрушения, то во второй половине IV в. правительство уже разрешает сносить и использовать для строительных нужд материалы заброшенных и разрушавшихся муниципальных сооружений. Вероятно, уже в IV в. многие из них переходят в частные руки, становятся собственностью церкви, государства. Мы говорим о сооружениях не только обществе иного, но и хозяйственного муниципального значения. Сокращение натуральных муниципальных поступлений, муниципальных запасов, естественно, вело к тому, что муниципальные склады и хранилища пустовали. Они либо разрушались, либо переходили в руки государства или частных лиц. Но в IV в., как показывает законодательство, еще сильна тенденция сохранять нужные городу внутригородские имущества и собственность на землю за городом. Продавались здания, но не земля под ними, сохранялись в собственности города лавки и мастерские или помещения под них.

V век, судя по законодательству, — это уже период активной распродажи внутригородской собственности — самой земли, лавок и мастерских. Именно тогда, по-видимому, и переходит в частные руки большая часть внутригородской общественной собственности. В V в. учащаются попытки уклоняться от платежей, т. е. по существу присваивать городскую собственность. Не случайно, что в законах V в. все чаще говорится о внутригородских имуществах — участках, домах, лавках, мастерских. 23-я новелла Феодосия сообщает, что те из них, которые «удерживаются» разными лицами в течение 30 лет, должны быть возвращены городу (*civitatibus restituendis*). Характерно, что некоторые из них, вероятно, могли удерживаться и более или менее законно — за долги городской общины частным лицам. Так, 17-я новелла Феодосия говорит о *petitores*, домогавшихся передачи им в виде возмещения за долги города

³⁴ Огромный титул CTh, XV, 1 — *De operibus publicis*.

городской собственности. Если 17-я новелла была издана в 443 г., то новелла 469 г. (*De vendendis rebus civitatis*) как бы продолжает эту эволюцию. Она официально разрешает городам в необходимых случаях для обеспечения общегородских нужд продавать менее необходимую собственность (*domus vel annonas civiles aut quae libet aedificia*). Тем самым с середины V в. открылся широкий путь к распродаже внутригородской собственности, и, вероятно, как раз в этот период многие городские участки под частными домами, городские доходные дома, лавки и мастерские, помещения которых являлись собственностью города, и перешли в руки частных лиц и корпораций.

В V в. укрепляется и возрастает собственность корпораций (СТh, XVI, 4. 1,5; CJ, X, 3.5) — как частная, так и общая, очевидно, прежде всего в связи с переходом к ним тех имуществ, помещений и сооружений, которые раньше принадлежали городу и которыми они пользовались за плату, находясь под контролем городской общины. Все это укрепляло их самостоятельность по отношению к муниципальной организации и, соответственно, вело к ослаблению контроля над их деятельностью, к падению регулирующей роли городской общины. В таких условиях могли реализоваться ставшие характерными для данного периода тенденции к установлению монопольных цен. Невозможность реальных санкций, реального воздействия городской общины превращало ее административный контроль в фикцию. Мы ясно видим это, например, на организации снабжения города хлебом. Муниципальные запасы и ресурсы куриалов позволяли регулировать цены на зерновой и, соответственно, печеный хлеб. Связь хлебопеков с курией, благодаря пользованию муниципальной собственностью, гарантировала выполнение ими решений муниципальной организации. Но ее роль и влияние на цены с сокращением натуральных поступлений стали сходить на нет. Хлебопеки оказались в зависимости от землевладельцев и получили возможность сами устанавливать цены на хлеб. Для контроля над ними требовалась теперь более сильная и авторитетная власть — государственная.

Полисная система контролируемого рынка, базировавшаяся на собственных ресурсах города и его собственности, рухнула. Складывались совершенно новые отношения, не контролируемые городской организацией. Товарные связи города вышли из-под ее контроля. Снабжение города, прежде гарантированное полисной организацией, утратило стабильность. Понадобились иные, государственные рычаги, но они уже были более административными, чем экономическими, какими некогда являлись рычаги, находившиеся в руках курии³⁵. Естественно, что в этих условиях корпорации, обеспечивавшие снабжение города, обретали не только большую самостоятельность, но и играли большую роль в его жизни, что и находит яркое отражение в источниках V—VI вв.

Но в целом эта возрастающая нестабильность снабжения, рост цен и спекуляций, естественно, как и многие другие процессы, вели к постепенному свертыванию широко распространенной и хорошо налаженной в античном городе торговли печеным хлебом. В условиях частых колебаний цен становилась более выгодной домашняя выпечка из закупленного после урожая — и по наиболее дешевым ценам — зернового хлеба. Она распространяется и в богатых частных городских домах, и в монастырских и церковных хозяйствах в городе, и, вероятно, среди более бедных городских собственников. Эти же причины толкали городское население к переходу на более широкое натуральное снабжение продуктами с городских и пригородных участков.

Все это еще раз показывает, что античная собственность города была чрезвычайно важным фактором обеспечения всей жизни городской общины,

³⁵ Г. Л. Курбатова. К вопросу о корпорациях. . . , стр. 153.

в частности, и потому, что в определенной мере подчиняла ее интересам и товарно-денежные отношения в городе, и обмен между городом и деревней.

Нужно сказать, что сокращение не только внегородской, но и внутригородской муниципальной общественной собственности решающим образом влияло на отношения в городе, его дальнейшее развитие. Городская община утратила реальный контроль над городскими собственниками, как только они стали собственниками большей части земли в городе. В этих условиях становился все менее эффективным общегородской контроль над строительством, что фактически вело к произволу в застройке, нарушениям прежней строгой планировки. Достаточно сказать, что именно тогда появляются комплексы частных построек, перекрывающие улицы ³⁶.

Богатые дома теперь превращались в настоящие внутригородские усадьбы со своими системами водоснабжения, банями, всем комплексом необходимых сооружений, которые раньше строились преимущественно для города в целом, а теперь — для отдельных домов и семей. Аналогично обстояло дело и со стремившимися к определенной замкнутости и изоляции монастырскими и церковными учреждениями в городе. С сокращением общегородской собственности и обеднением муниципальной организации город все более превращался в совокупность владений независимых друг от друга частных собственников, что вынуждало совершенно иначе, чем раньше, решать важнейшие общегородские проблемы (а решать их становилось все труднее). Вместо прежних общественных муниципальных расходов из общих доходов города получают распространение разного рода системы складничества, долевого участия — как в закупке продовольствия, так и для проведения необходимых городских работ ³⁷.

Отдельные виды муниципальной собственности и доходных имуществ сохранились, например имущества, связанные с обеспечением зрелищ. Но фактически они перестали быть собственностью городской общины, обособились от нее и превратились в собственность партий, занимавшихся организацией зрелищ, составили совершенно особые имущества, уже не считавшиеся собственностью античной городской организации ³⁸.

В той мере, в какой город сохранился, он все более становился государственным. С сокращением его собственных имуществ и ресурсов и усилением контроля над ними со стороны центральной власти они по существу превращались в особую часть государственных поступлений, выделявшихся на нужды городов. Отсюда смешение городской и государственной собственности, фактическое поглощение первой последней, которое в конечном счете и привело к тому, что соответствующие функции перешли к государственной администрации. Новелла императора Льва III (740 г.) не оставляет в этом никаких сомнений ³⁹. А основой этого процесса было развитие в важных административных центрах ⁴⁰ государственной собственности, государственного производства, размещение в них постоянных гарнизонов и т. д. Аналогично, по-видимому, эволюционировали и те античные полисы, которые угасали и превращались в крепости. В них государственная военная собственность постепенно вытесняла частную, гражданскую и муниципальную; они все более становились крепостями, в которых античное самоуправление уступало административную власть военному командованию.

³⁶ См., например. *К. Маджаров*. Магнатский дом в Абрите. — ИП, 1956, № 12, кн. 1, стр. 88—91.

³⁷ *Г. Л. Курбатов*. Основные проблемы... стр. 181—182.

³⁸ Там же, стр. 187.

³⁹ Там же, стр. 201.

⁴⁰ На это указывает возрастающее число законов, касающихся государственной собственности и имуществ в городах. См., например, СГЗ, XV, 1.35; СГ, VIII 11; X, 2 и др.

Несколько иначе, по-видимому, складывалась судьба приходивших в упадок полисов, которые не представляли интереса для государства ни с экономической, ни с административной, ни с военной точек зрения. Известно, что государственная власть стремилась приобрести имущества там, где у нее была особая заинтересованность. В равной мере она не сохраняла и распродала эти имущества там, где они не представляли для нее интереса, частным лицам (см., например, СTh, 10. 2, 2). Таким образом, государство, по-видимому, распродало свою собственность в ненужных ему и приходивших в упадок городах, способствуя тем самым дальнейшему развитию этого процесса, и стремилось увеличить ее там, где считало необходимым ⁴¹.

Фактически самым крупным собственником в городе в течение IV—VI вв. становится церковь, в ее руки перешла большая часть прежней античной общегородской собственности. Первым крупным шагом был переход к ней связанных с городской собственностью и полисной организацией храмов и храмовых имуществ. Дарения и покупки, поддержка церковью общегородских учреждений по существу превратили ее в собственника многих, в том числе и общественных, имуществ города. Муниципальная благотворительность превратилась в церковную, и церковные хранилища, вероятно, не просто пришли на смену муниципальным, а скорее всего церковь приобретала и использовала обветшавшие строения. Церковь становилась главным собственником в городе, и именно с этим, а не только с ее моральным авторитетом связаны ее возросшая реальная власть в городе и контроль над городской жизнью. Но, выполняя некоторые общественные функции, церковь отнюдь не становилась общегородской, зависящей от местной власти организацией ⁴². Наоборот, мы видим при Юстиниане дальнейшее упрочение прав собственности церкви и церковно-монастырских учреждений на их имущества, в том числе и разного рода благотворительные учреждения, монастырские больницы и лечебницы, приходившие на смену прежним муниципальным (см., например, CJ, I, 3.53 (54) — 533; I, 3.34 (35) — 472) ⁴³.

Города, которые угасали как полисы, процесс вытеснения старых, античных форм собственности более развитыми и полными формами частной и корпоративной собственности — там, где одновременно не развивалась государственная, в конечном счете мог привести к превращению в совокупность владений нескольких частных собственников. И такого рода факты подтверждают раскопки в ряде областей ⁴⁴. В одном случае город представлял собой лишь несколько частных владений. В другом, когда он утрачивал военное значение, даже крепость переходила в собственность церкви и становилась своего рода хозяйственным двором и складом церковного центра, который нельзя назвать иначе, поскольку все поселение сделалось собственностью церкви. Античная собственность, являвшаяся важнейшей основой античного и позднеантичного города, по существу трансформировалась и исчезла в Византии в течение VII в. Там, где она не превратилась в иную — частную, церковную, корпоративную или государственную, она, по-видимому, просто перестала существовать или, в лучшем случае, рассматривалась как определенный вид государственной собственности.

⁴¹ См., например: *М. Я. Сюсюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов.* — ВВ, XI, 1956, стр. 61.

⁴² Там же, стр. 62—63.

⁴³ CJ, I, 3.53(54): et res omnes sacrosanctum asceterium, seu monasterium pleno habea dominio.

⁴⁴ *А. П. Каждан. Византийская культура.* М., 1268, стр. 16; *М. П. Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды.* Тбилиси. 1968, стр. 266 и др.